

Добрые намерения регистратора Сюя Дин Тянь принял к сведению, однако сейчас ему было не до них. Дел навалилось столько, что голова шла кругом.

На носу был Праздник середины осени. Приближалось пятнадцатое число восьмого месяца, а с ним и заботы: нужно было успеть развезти лунные пряники и приготовить к ним необременительные гостинцы. Подарок для уездного судьи Дин Тянь выбрал незатейливый: десять цзиней сочной свинины, две корчаги крепкого хлебного вина — вот и всё подношение.

В эти праздничные дни судья Ма самолично отправился в губернский город. Вернулся он, однако, не в духе: префекта повидать так и не удалось. Щедрое подношение, что судья прихватил с собой, господин префект благосклонно принял, а вот самого дарителя на порог не пустил. Это пренебрежение сильно задело самолюбие Ма Чуна.

Пятнадцатого числа восьмого месяца Дин Тянь поехал проводить дядю. У того дела спорились: урожай выдался на славу, закрома ломились от зерна. Пусть звонкой монеты в кошельке прибавилось не так много, но лоснящиеся окорока и балыки, рядами свисавшие под стрехой, красноречиво свидетельствовали: голодать дяде не придётся.

Там же Дин Тянь узнал важную новость: ровно через семь дней дядя собирался везти в дом невесту. Само собой, он очень рассчитывал, что племянник разделит с ним это торжество.

И Дин Тянь, конечно же, не мог отказаться! Мало того, что он собирался приехать лично, так ещё и решил не скупиться на свадебный подарок.

В конце концов, когда они подносили судье «зонтик народной благодарности», дядя взял на себя самую тяжёлую долю. Шутка ли — обучить толпу неграмотных крестьян выводить собственные имена на шелке! Настоящий титанический труд.

В этих малолюдных краях грамотных людей испокон веков не хватало, а уж тех, кто способен вывести своё имя на парадном зонте, и вовсе можно было пересчитать по пальцам одной руки. Дядя не только сам расписался, но и собрал всех, кто хоть как-то владел кистью, заставив их аккуратно вывести свои имена.

Не помоги тогда Ху Вэй, на «зонтике народной благодарности» красовались бы одни лишь оттиски грязных пальцев. Выглядело бы это на редкость убого.

Теперь, когда дядя наконец-то создавал семью, у него за душой, кроме племянника, не осталось ни единой родной души. Бедствие унесло жизни половины Деревни семьи Ху, а ближайшие родственники Ху Вэй и вовсе погибли все до единого.

Вернувшись домой, Дин Тянь выхлопотал у регистратора Сюя три дня отдыха. Первый день он целиком посвятил себе и дому: вымыл комнаты, отпарился в бане и достал из сундука праздничное платье. На следующее утро он отправился за покупками.

Драгоценностями в их глуши не торговали, поэтому Дин Тянь направился напрямик в ткацкую лавку. Там он приобрёл четыре рулона тонкого хлопчатобумажного полотна и отвесил двадцать цзиней отборного хлопка-сырца. По деревенским меркам такой подарок считался невероятно щедрым.

К этому он добавил два мешка жареных семечек подсолнечника, два мешка арахиса, а в бакалейной лавке выкупил под чистую все запасы сладких конфет в форме пирамидок.

Загрузив покупки, он заехал в родную Деревню семьи Дин и отыскал в старом родительском доме два рулона ярко-красной парчи. Вещь редкая и дорогая: цвет сочный, праздничный, сулящий удачу в браке.

В карман он опустил аккуратные слитки серебра — целых десять лянов. Обычные крестьяне и один-то лян посчитали бы за предельным подношением, но для родного дяди Дин Тяню никаких денег не было жалко.

Дин Тянь запряг повозку: добра набралось столько, что иначе было не увезти. Сверху он уложил тушу упитанного барана, уже освежеванную и выпотрошенную, — оставалось только нарубить мясо крупными кусками и бросить в котёл.

На третий день он выехал в Деревню семьи Ху. Там уже царило небывалое оживление. Полевые работы закончились, крестьяне отдыхали, а потому любая свадьба становилась праздником для всей округи. Тем более женился единственный сельский учитель, да ещё и бравший в жёны родственницу супруги деревенского старосты.

Дядя, расплывшись в довольной улыбке, встречал гостей у ворот. На нём красовался сшитый к торжеству длинный синий халат. Сама свадебная церемония должна была состояться на следующий день, но готовиться к ней начали загодя.

Дин Тянь остановил повозку у дома.

— Дядя, с праздником! Счастья вам!

— Спасибо, племянник, спасибо, — сияющий Ху Вэй потянул его за рукав во двор. — Но зачем же ты столько добра притащил? Мой дом ведь тоже не пустует, на жизнь хватает.

— Знаю, — Дин Тянь расплылся в улыбке. — Только это не вам, а будущей тётушке. Надеюсь, вы с ней не станете медлить и уже в следующем году порадуете меня маленьким двоюродным братом.

— Ах ты паршивец! Что за глупости болтаешь? — притворно рассердился дядя, хотя уши его заметно покраснели от смущения.

Жители Деревни семьи Ху давно знали Дин Тяня, но чтобы племянник преподносил дяде настолько щедрые дары — такое они видели впервые. Особое почтение вызвало подношение серебром. Давацзы, старший сын старосты, ведавший записями, с благоговением вывел имя молодого тюремщика на самой первой строчке свадебного свитка.

— Зачем ты принёс столько денег? — шёпотом упрекнул его Ху Вэй, округлив глаза. — Если будешь так швыряться серебром, как жить-то дальше собираешься?

— Дядя, вы всё не так поняли, — принялся терпеливо объяснять Дин Тянь. — У меня в управе есть кое-какие доходы, да и эти десять лянов я дарю не просто так. Вы должны заботиться о тётушке и нажить с ней побольше детишек. Она ведь росла в холе и неге, а приходит в наш дом, где нет ни свекрови, чтобы подсказать, ни невестки, чтобы разделить домашние хлопоты. Всё ляжет на её плечи. Хоть у вас и прислуживает приходящая старуха, но чужой человек есть чужой человек. Скоро время платить налоги, в сундуках у вас поубавится, так что пусть эти деньги лежат про запас. Так спокойнее.

— Эх, сынок... — Ху Вэй растроганно покачал головой. — Ладно, приму я твой подарок.

А про себя твёрдо решил: когда придёт черёд племянника справлять свадьбу, он преподнесёт ему вдвое больше — целых двадцать лянов! Чтобы имя дяди красовалось на первой строчке праздничного свитка, и племянник не остался в обиде.

Хоть главный пир намечался лишь на завтра, Ху Вэй накрыл для первых гостей сытный стол. Привезённого племянником барана пустили в дело: наварили огромный котёл жирного супа с сочной белой редькой. Горячие кукурузные лепёшки подавали без счёта. Для простых крестьян такое угощение было пределом мечтаний.

Когда пришло время ложиться спать, к Дин Тяню подошла местная почтенная сваха — старушка счастливой судьбы.

— Тебе, касатик, надобно провести эту ночь на новом, только что выложенном кане, — наставительно прошамкала она. — Тебе одному, и никому больше! Гляди, чтоб девки молодые туда не забирались, а то всю семейную благодать молодым испортят.

— Чего? — Дин Тянь опешил. — Это ещё зачем?

— Как зачем? Для согревания супружеского ложа всегда парней зовут, где это видано, чтоб девок пускали? К тому же у твоего дяди окромя тебя ни одного племянника нет. Кому ещё, как не тебе, согревать постель?

В итоге первую ночь в дядином доме Дин Тянь провёл один-одинёшенек, безраздельно властвуя на широком новеньком кане. Кровать только недавно сложили из кирпича; бамбуковые циновки пахли свежестью, на окнах горели вырезанные из красной бумаги знаки двойного счастья, а пухлые одеяла ещё не знали человеческого тепла. Не будь Дин Тянь уже

взрослым парнем, суеверная старуха наверняка попыталась бы заставить его окропить постель чистой мочой на счастье.

От одной мысли об этом Дин Тянь содрогался: предложи старуха нечто подобное, он бы без оглядки сбежал посреди ночи.

Наутро настал великий день. Телега Дин Тяня была вычищена до блеска: ей предстояло везти сундуки с приданым. У дяди теперь тоже была своя телега, купленная специально к торжеству. Ху Вэй лично уселся на козлы празднично украшенной повозки и отправился за невестой. Завтрак подали поздно — в зимнее время деревенские обходились двумя трапезами в день, утренней и вечерней.

Еда была простой: кукурузные пампушки с пряной сушёной редькой, обжаренной со свининой, да жидкая каша из проса, которую можно было черпать сколько душе угодно.

Едва гости насытились, началась суматоха. Со всей деревни в дом стекались люди: кто помочь по хозяйству, кто просто поглазеть да поболтать. Тут-то и пошли в ход горы угощений, привезённых Дин Тянем. Каждую столешницу украсили щедрые миски с жареными семечками, арахисом и сладкими мятными леденцами.

Всего накрыли двадцать четыре стола — по числу сезонов года, на счастье. Первые десять отвели под чинную родню невесты; усадили туда самых уважаемых старожилы Деревни семьи Ху. Следующие десять столов предназначались для односельчан, а четыре оставили про запас, хотя в итоге рассадили гостей и за них.

Разделить радость с женихом приехали двое его бывших сокурсников-учёных. Они вызвались сопровождать его в дом невесты. Дин Тянь же, как единственный близкий родственник, остался на хозяйстве, чтобы встречать и устраивать прибывающих гостей.

Дин Тянь обходился простым, но беспрюирышным угощением: сыпал пригоршнями семечки, арахис и конфеты.

— Соседи, вы ведь пришли дядю уважить, нежеже вам с пустыми руками сидеть! Угощайтесь, не стесняйтесь, коли мало покажется — ещё принесу!

Хоть Дин Тянь и был молод, его должность внушала крестьянам почтение. К тому же вскоре пожаловал Лю Сэнь. На самом деле они приходились друг другу седьмой водой на киселе, и Лю Сэнь мог бы не приезжать, но из уважения к молодому тюремщику решил почтить праздник своим присутствием.

Лю Сэнь и Чэн Да привезли с собой нарядные рассыпчатые пирожные и выставили их на самые видные места. К этим сладостям никто не притрагивался. Стоило какому-нибудь малютке потянуться к нарядному лакомству, как мать тут же шлёпала его по руке. Все прекрасно понимали: это угощение выставлено напоказ родне невесты, чтобы те воочию убедились в

зажиточности дома Ху Вэя.

Но разве неразумным детям растолкуешь такие тонкости?

Чэн Да ушёл развлекать беседой молодых деревенских парней. К ним присоединились второй и третий дяди Дин Тяня. В кругу мужчин то и дело вспыхивал дружный, раскатистый хохот.

Старейшин усадили поближе к деревенскому старосте и старосте трёх деревень, а Лю Сэнь тем временем манил ребятишек в сторонку и совал им простые сушки да пряники, лишь бы те не зарились на парадные блюда.

Дин Тянь крутился как белка в колесе: успевал и с гостями перемолвиться словом, и на кухню заглянуть, чтобы проверить, поспевают ли блюда.

— Уж не беспокойся, начальник Дин! — весело крикнул ему повар, ловко помешивая варево огромным черпаком. — Наш сударь Ху — гордость деревни, грамотей! Глядишь, и детишки у него все в учёные выйдут. Разве ж мы смеем спустить рукава?

Этот повар был местным, из Деревни семьи Ху. В юности он прислуживал на кухне богатого трактира в уездном городе, а в годы войны варил кашу для целого полка. Вернувшись домой после замирения границ, он стал незаменимым человеком на любых деревенских праздниках.

— Ну, тогда полагаюсь на вас! — улыбнулся Дин Тянь. Лишних вопросов он задавать не стал: главное, чтобы угощение удалось на славу.

Деревенские пиры изысками не славились, но у дяди стол ломился: четыре сытных блюда, наваристый суп и горы пшенично-кукурузных пампушек. Каждую столешницу украшали румяная запечённая курица, тарелка сочной варёной свинины с чесночной подливой, миска тушённого с картофелем жирного гуся и заправленная маслом капуста с мясной соломкой. В центре высилась чаша густого яичного супа, а рядом красовались сладкие лепёшки. Выглядело это пиршество на редкость богато.

Даже в простую капусту повара не пожалели накрошить мясной соломки. По деревенским меркам застолье вышло на редкость сытным и жирным. Не будь Ху Вэй обладателем учёной степени сюцая, ему ни за что не удалось бы закатить такой пир.

Свадьбу по обычаю справляли на исходе дня. В полдень жених уезжал за суженой, к середине дня привозил её в родные стены, а в сумерках наступал черёд поклонов небу и предкам. После торжественного обряда гостей созывали за столы, подавали ужин, а когда стемнело — провожали родных невесты, оставляя молодых наедине в свадебных покоях.

Когда дядя с шумом воротился домой, Дин Тянь стоял в первых рядах, любуясь обрядом. Лицо невесты скрывало плотное алое покрывало, так что разглядеть её черты было невозможно,

зато приданое молодой жены оказалось на удивление богатым.

Родственники невесты нарочито неспешно разгружали повозки, давая толпе вдоволь налюбоваться добром. На телегу Дин Тяня уложили четыре пухлых стёганных одеяла, восемь праздничных нарядов, упакованных в алые узелки, два рулона тонкого полотна, четыре — прочной холстины и шесть — простого сукна. Следом вели крупного чёрного осла с привязанным к уздечке пышным красным цветком. Это был подарок тёщи, чтобы зять-учёный не бил ноги, когда соберётся навестить коллег или съездить по делам.

Шептались, будто на самой невесте красовались серебряные шпильки, пара серёг и литые браслеты, а на пальцах поблёскивали два золотых колечка. По деревенским меркам — богатство неслыханное! К тому же в резном ларце лежали аккуратные листы бумаги — дарственные на четыре му плодородной земли прямо у Деревни семьи Ху. Отец невесты настоял на этом подарке, заявив, что дочь учёного мужа должна входить в новый дом с гордо поднятой головой.

Супруга деревенского старосты так и сияла от гордости:

— Мой братец — человек чести и широкой души, толк в приличиях знает!

В толпе завистливо перешёптывались: Ху Вэй вытянул счастливый билет, лучшей партии в их краях и не сыскать.

Один лишь Дин Тянь, мысленно прикинув расходы, покачал головой. Дядины свадебные дары вернулись обратно под видом собственного приданого невесты, лишь слегка переиначенные на новый лад. Семья новобрачной умудрилась сберечь добрую половину серебра, оставшись в изрядном выигрыше.

«Вот она, крестьянская смётка во всей красе», — усмехнулся он про себя.

Вслух он, разумеется, ничего не сказал. Поздним вечером, когда шумный пир подошёл к концу, а родня невесты отбыла восвояси, гости понемногу разошлись. Дяди Дин Тяня тоже засобирались домой, но сам он уезжать не спешил.

Староста трёх деревень радушно пригласил молодого человека заночевать у него. На следующее утро Дин Тянь вежливо отказался от завтрака и сразу направился к дяде, чтобы по всем правилам засвидетельствовать почтение новоиспечённой тётушке.

<http://bllate.org/book/19387/1997466>